

Открой книгу — прикоснись к **Чуду!**

Чтобы **ЗДОРОВЬЕ**
НАЛАДИЛОСЬ и **ЖЕЛАНИЕ**
СБЫЛОСЬ

ВАМ ПОМОГУТ
СВЯТЫЕ
СЕРАФИМ И ФЕОГНОСТ
ВЕРНИНСКИЕ

Сергей Волков
Чтобы здоровье наладилось и
желание сбылось. Вам помогут святые
Серафим и Феогност Вернинские
Серия «Святые вам помогут»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6053669

*Чтобы здоровье наладилось и желание сбылось. Вам помогут святые Серафим и Феогност Вернинские / Сергей Волков.: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-40509-9*

Аннотация

Высоко в горах Заилийского Алатау, на высоте почти двух тысяч метров над уровнем моря, среди вечнозеленых тяньшанских елей, ежегодно сотни и сотни паломников со всех уголков Казахстана и других стран поднимаются в Свято-Серафимо-Феогностовскую Аксайскую мужскую пустынь, где совершаются торжественные богослужения. Сюда идут и те, кому очень дорога память о мучениках, и те, кто хочет приобщиться традициям почитания святых.

Эта книга о Серафиме и Феогносте и их братьях по вере – святых, которые совершали подвиг своего служения в жесточайших условиях революционного разгула, когда басмачи и бандиты, белогвардейцы и красноармейцы, бии и батраки насмерть бились в Туркестане, киргизских горах и казахских степях. Подвижники монахи и в такое время укрепляли на земле казахстанской Слово Божье, ценой даже собственной жизни помогая людям. И святость их была столь сильна, что они и по сей день помогают верующим в их просьбах...

Попросите их и вы, и помощь придет!

Содержание

Вместо предисловия. Путь к святости	5
Серафим и Феогност. Путь земной	11
Подвиг жизни и мученической смерти	11
Время суровых испытаний	14
Жизнь Серафима	17
Детство	17
В Глинской пустыни	18
Иссык-Кульская служба	18
Переезд в город Верный	20
Новый скит	22
Жизнь Феогноста	26
Путь подвижника	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Волков

Чтобы здоровье наладилось и желание сбылось. Вам помогут святые Серафим и Феогност Вернинские

МОЛИТВА СВЯТЫМ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКАМ СЕРАФИМУ И ФЕОГНОСТУ

О, Богоблаженная двоице друзей Христовых, преподобнии страстотерпцы Серафиме и Феогносте! Казахстанские страны светильницы достопочтенныя, града Алма-Аты защитницы и покровителие Богодарованные, православных всех неусыпныя наставницы! На небеси Богопросвещенными душами вашими престолу Божию предстоящи, на земли же мучинически за Христа пострадавшими телесы вашими на горах Заилийских почивающия и различная дарования духовная всем с верою и любовью к вам приходящим источающия! Милостивым призрением благосердия вашего призрите на люди, святую память вашу почи-тающия, на месте исповеднических подвигов и преподобнических трудов ваших святыи гроб ваш обходящия и теплаго вашего ко Господу ходатайства во обдержавших нуждах просящия. Все бо мы по множеству грехов наших не дерзаем возвести на Небо очес наших, долу поникших, вы же, яко стяжавшии дерзновение ко Господу и ныне со Ангелы Ему предстоящи, принесите о нас благоуханные молитвы ваша, во еже избавитися нам от глада, потопа, труса, огня, меча, нашествия иноплемени и междоусобных брани, от всякия скорби, злы и болезни душевныя и телесныя от людей и диавола по грехам нашим бывающия. Да сих избежавше, Господу усердно работающе, молитвами вашими и теплым предстательством внидем в нескончаемый покой Царства Небеснаго и тамо с вами и лики всех святых прославим Великое Имя Святыя Троицы, Отца и Сына и Духа Святаго во веки веков. Аминь.

Молитесь святым Серафиму и Феогносту, и они помогут вам:

- # в проблемах со здоровьем;
- # в избавлении от природных бед;
- # обеспечить благополучие себя и близких;
- # в решении семейных проблем;
- # при рождении и воспитании детей;
- # в преодолении проблем на работе;
- # обрести силы в борьбе с пьянством;
- # найти воспомоществование в нужде.

Вместо предисловия. Путь к святости

«Святой» – это человек, которого особо чтят за благочестие, праведность и стойкость в вере. После своей кончины он пребывает на небесах, где молится перед Господом за всех людей, проживающих на земле нашей грешной.

Православные понятия «světъ» и «světъjъ» в древней литературе означали «светить», «дарить», «строить», «жертвовать». Поэтому канонизированные святые так понятны и духовно близки нам. Потому что учат ОСВЕЩАТЬ, ДАРИТЬ, СТРОИТЬ и, главное – ЖЕРТВОВАТЬ.

Все святые своей жизнью показывали, как светить добром и праведностью заблудшим. Дарить любовь ближнему своему. Строить Царство Божие на земле. Жертвовать собой ради Господа.

Обратись с молитвой к Господу, он поможет.

Но если робеешь, не смеешь – обратись к святым заступникам. Они ближе и понятнее. Они помогут.

Вглядитесь в лица святых на иконах, помолитесь им искренно – и, если не будете держать в сердце зла и непрощенных грехов, святые обязательно помогут.

Преподобномученикам Серафиму и Феогносту молятся о:

- здоровье;
- избавлении от природных бед и катастроф;
- благополучии себя и близких;
- решении семейных проблем;
- помощи при рождении и воспитании детей;
- преодолении проблем на работе;
- придании сил в борьбе с пьянством;
- воспомоществовании в нужде.

* * *

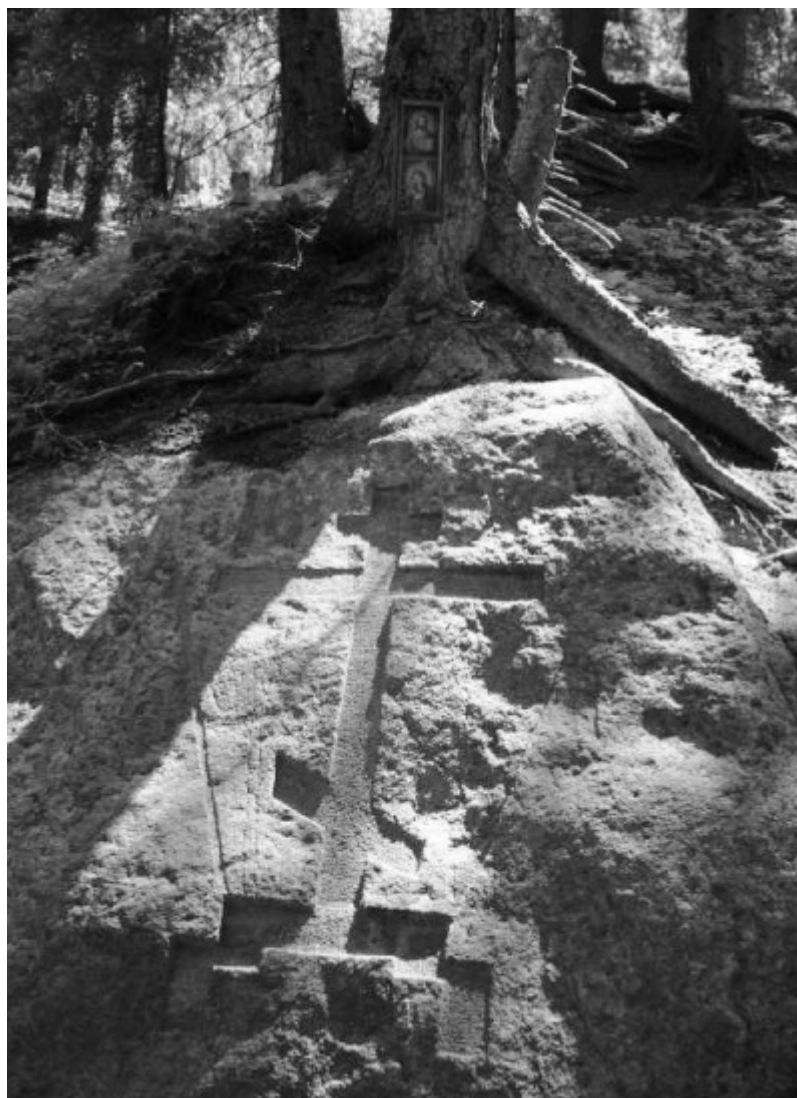
Невозможно перечислить все те чудеса помощи и исцеления, которые происходили и происходят на могиле преподобномучеников Серафима и Феогноста, что находится близ Алма-Аты.

Высоко в горах Заилийского Алатау, на высоте почти 2 тысяч метров, среди вечно-зеленых тяньшанских елей, ежегодно сотни и сотни паломников со всех уголков Казахстана и других стран поднимаются в Свято-Серафимо-Феогностовскую Аксайскую мужскую пустынь, где совершаются торжественные богослужения. Сюда идут и те, кому очень дорога память о мучениках, и те, кто хочет приобщиться традициям почитания святых. А особенно много паломников здесь бывает 11 августа, в день памяти святых мучеников.

Идут и старые и молодые – дабы помолиться и испросить помощи у мучеников в нуждах своих, найти утешение в печали. Потому что считают убиенных преподобномучеников своими ходатаями и заступниками перед Богом. А еще алмаатинцы молятся вместе со святыми за свой любимый город, что расположился у подножия гор на пути селевых потоков, в зоне повышенной сейсмической активности.

У входа в Свято-Серафимо-Феогностовскую Аксайскую мужскую пустынь. Фото автора

Камень на крутом подъеме к могиле преподобномучеников. Фото автора

Здесь в Аксайском ущелье, где два монаха в давние тревожные времена организовали скит, сегодня находится пустынь их имени.

У входа в монастырь находится камень, на котором выбит крест, к которому верующие приходят постоянно, чтобы поцеловать его и помолиться.

И никого не оставляют святые без помощи, коли вера крепка и душа чиста.

Но бывает и так, что грешный человек, неверующий вовсе, получив нежданую помощь от Серафима и Феогноста, исполняется вдруг таких глубоких чувств и раскаянья, что идет в ближайший храм и принимает крещение. Ибо жизнь свою подвижники-иеро монахи положили на то, чтобы укрепить православную веру в народе в те времена, когда рушились устои, свергались цари и слово Божье было не слышно в грохоте битв и революций.

Так кто же были эти святые люди, и почему в сердцах тысяч людей до сих по горит огонь признания и почтения к ним?

Сразу после войны, когда матушка моя Серафима Петровна отчаялась ждать батю нашего Николая Федоровича с фронта, собрала она нас всех, детей, и сказала: «Вот что, ребятушки, теперь нам помощи ждать неоткуда. И токма Серафим и Феогност нам помогут». Помню, засмеялась я тогда,

подивившись чудным именам. За что получила от матери подзатыльник. Обиделась я, но промолчала. Да и забыла о словах маминых.

Через десять же лет свел меня случай с батюшкой из нашего Никольского храма, который рассказал, что, оказывается, Серафим и Феогност были великомучениками, которые пострадали за веру свою. И поняла я, что имела в виду матушка. Что надо верить в Бога. Молиться ему. Тогда и судьба будет тебе помогать.

А еще через пять лет, в 1960 году, в конце лета, узнала я, что идут прихожане Никольского храма в Аксайское ущелье, поклониться могиле этих мучеников и помолиться за упокой их души. Все делалось это тайно, т. к. советская власть поклонение православным святым не поощряла.

Было нас человек двадцать. Вышли засветло. Шли мы долго. Шел дождь. Дорога под ногами хлюпала. Некоторые, добравшись до горной местности, даже падали. Два или три человека даже отказались идти дальше. Остальные ж решили идти до конца. И вот, часа в 3 дня мы добрались-таки до могилы Серафима и Феогноста. И тут же прекратился дождь и засияло солнце. Но все равно было прохладно. Горы, как-никак. Но никто не замечал этого. Преклонили мы все колени пред местом святым и горячо молились. Почти до темноты. А потом устроились на ночлег в пещере, которая находилась неподалеку. Зябко было. Но всех нас согревала благодать, кою мы почувствовали у юдоли плача по Серафиму и Феогносту.

После этого случая я каждый год в августе стараюсь попасть к нашим алматинским святым на могилку. Наверное, только поэтому и жива-здорова до сих пор. И детушки мои ладными вышли. И внуки, и правнуки.

Храни нас всех Господь!

Екатерина Николаевна (Алматы)

* * *

Меня родители крестили еще в детстве. Хотя были советские времена, мой отец и бабушка настояли на этом. Моя мать, башкирка по национальности, была не против этого. Правда, в СССР быть православной было нелегко. Мы с папой почти тайком посещали храм по воскресеньям. А мои подружки, прознав об этом в 8 классе, долго смеялись надо мной. Комсомольская же организация в школе не хотела меня принимать из-за этого в свои ряды. Меня это, честно говоря, не сильно расстроило.

Уже в суверенном Казахстане быть верующим стало проще. Теперь мы с отцом и моим мужем спокойно посещаем Благовещенский кафедральный собор, и никому до этого дела нет. Никто не смеется, никто не преследует.

В XXI веке стало модным брать ипотечные кредиты под покупку квартиры. Мы с мужем 11 лет жили с его родителями и вот решили приобрести свое жилье. Взяли кредит в банке, купили квартиру. Нелегко было расплачиваться ежемесячно по ипотеке, но пока мы оба работали, все-таки удавалось свести концы с концами. Но тут у нас на работе сменилось руководство. Новый начальник тут же стал тащить «своих» людей. И я осталась без работы. И без зарплаты тоже. Сразу же возникли проблемы с выплатой кредита.

Мы залезли в долги, благо, наши друзья понимали, в какую ситуацию мы попали. Я же искала работу. Однако в моем возрасте найти ее очень трудно. Так прошло 5 месяцев. А ведь нам надо было еще платить за обучение дочки в столичном университете...

Однажды мне позвонила двоюродная сестра из Алматы. Мы посплетничали, поплакались друг другу на нелегкие жизненные обстоятельства. Я пожаловалась ей на то, что не могу найти работу, и мы по уши завязли в долгах. На что сестра сказала, что знает, как мне помочь. Она завтра же пойдет в ее любимый Космо-Дамиановский храм и помолится там Серафиму и Феогносту во вспомоществование мне. Я поблагодарила ее, но не очень верила в такую помощь. А зря! Так как через три дня мне позвонил однокурсник, с которым мы не виделись лет 15, и спросил не нужна ли мне работа, – у него на заводе открылся новый цех, и нужны квалифицированные специалисты. Я даже слегка обалдела от такого неожиданного предложения.

Теперь у моей семьи нет проблем. Мы отдали все долги, спокойно расплачиваемся по ипотеке, и дочка наша спокойно учится. И все благодаря Серафиму и Феогносту! Я в этом уверена и молюсь им с тех пор, чтобы заступились за нашу семью перед Богом, каждую неделю, по воскресеньям.
Зульфия (Павлодар)

* * *

Мы с моим дедом пенсионеры. Дети давно уехали кто куда. В Россию, Сербию, даже Испанию. Несладкой у них там жизнь оказалась. Только дочка, вышедшая замуж за серба, немного помогает нам. А от сыновей помощи нет. Им бы самим концы с концами свести. Уж сколько говорили мы им – возвращайтесь на родину. Все легче будет. Здесь же свое, родное. И друзья их тут остались. Да видно гордость не позволяет. Особенно младшенькому – в Испании. Жена-то – испанка, и ни в какую она не хочет ехать на мужнину родину.

Хорошо хоть дача у нас была. Там мы сажали картошку и помидоры, укропчик, да огурцы. Какое-никакое, а подспорье старикам. Но случилась в прошлом году беда. Соседи у нас по даче, люди буйного нрава, ничего никогда не сажали, только отдыхать приезжали. Вот и доотдыхались однажды. Напились до зеленых чертиков. Да так, что и свою дачу спалили, и на нашу огонь перекинулся. Хорошо, что хоть никто не погиб.

Горевали мы с дедом, потому как не могли без домика своего там жить, зябко нам старикам по ночам. Вот и забросили свой дачный участок.

Стало нам совсем трудно жить. За квартиру, свет и прочие коммунальные услуги заплатишь, и денег только на хлеб остается. Благо дочка, как могла, помогала. Но 100–150 долларов прислать никогда не могла. А ведь Алматы – город не только большой, но и очень дорогой.

Совсем закручинились мы со своим стариком. Да тут пришла к нам соседка за солью и давай рассказывать, что ходила она прошлой неделей в Аксайское ущелье, что близ Алматы, поклонилась там могилке преподобномучеников Серафима и Феогноста. И теперь ей на работе зарплату повысили. Дед мой еще посмеялся, говорит, так ты каждую неделю туда ходи, – к концу года миллионершей станешь!

А мне слова соседкины в душу запали. Слышала я раньше об этих новомучениках, об их жизни подвижнической, и том, что помогали они людям в любых трудных ситуациях. Помогали, где советом, где молитвою. Пошла я к своему исповеднику и рассказала про жизнь нашу тяжкую и про Серафима и Феогноста. Выслушал меня священник и сказал, что в горы нам с дедом ходить не надо. А вот помолится этим святым можно и в церкви.

Целых две недели уговаривала я деда сходить в храм. Он ни в какую. Говорил, что не верил никогда, в отличие от меня, в Бога, да так и померет неверующим. И во всякие волшебные слова и заговоры тоже не верит.

Потом, видно, надоели ему мои разговоры. И он согласился сходить со мной в церковь. «Только, – сказал он, – я молиться не буду!». «Что ж делать», – подумала я.

Пришли мы в храм, и дед мой как-то сразу притих. Хотя, пока шли, он все хорохорился и говорил, что зря меня послушался, только время потеряем. Я поставила свечу и стала молиться. И сразу все дурные мысли ушли из головы, а на душе стало легко и ясно.

Много времени прошло. Потом я оглянулась и увидела, что дед мой стоит, как вкопанный, и что-то бормочет про себя. Не стала его беспокоить, отвернулась и еще полчаса молилась Серафиму и Феогносту, чтоб помогли они нам.

На обратной дороге дед мой был задумчив, а когда пришли домой, сказал, что он, пожалуй, на следующей неделе еще раз сходит со мной в храм. Не стала я вспоминать ему прежние слова. Обрадовалось, что наконец и он почувствовал Божью благодать.

Весь месяц мы ходили по выходным в церковь. Мой дед даже научился немного молиться. Хотя исповедник мой сказал, что необязательно заучивать наизусть молитвы. Можно просить Господа и святых и своим языком, как умеешь.

А потом к нам неожиданно приехал сын с женой своей, испанкой. Оказывается совсем им стало жить нелегко. Оба были безработными, и никаких перспектив. Как же мы обрадовались, увидев сыночку, печалило, правда, что неприкаянный он.

Но уже через две недели он нашел работу в большой фирме. Его знание испанского языка очень пригодились. Невестка же стала преподавать в одном университете.

Теперь у нас с дедом нет никаких проблем. Наш сын нас полностью обеспечивает. Мы даже съездили в новую столицу – Астану. До чего же красивый город! Дай то Бог и нашему любимому Алматы так дальше расти и развиваться. А больше нам с дедом и ничего не надо.

Спасибо новомученикам Серафиму и Феогносту за то, что замолвили за нас словечко перед Господом! Теперь мы каждый месяц ходим с дедом в храм и молимся там им. Аминь.

Вера Сергеевна, 76 лет (Алматы)

Серафим и Феогност. Путь земной

Подвиг жизни и мученической смерти

Никаких фотографий и практически никаких нарисованных изображений Серафима и Феогноста, к сожалению, до наших дней не дошло. Связано это с тем, что за хранение подобных реликвий в 30-е годы прошлого столетия советские власти сразу же отправляли в сталинские лагеря. Но сохранились воспоминания сподвижников преподобномучеников об их подвиге во славу Господа.

История совместного служения господа нашему началась у Серафима и Феогноста в Курской епархии, где они в начале прошлого века познакомились в Рождество-Богородицкой Глинской пустыни. Именно отсюда они были приглашены в мужской Свято-Троицкий миссионерский монастырь, что находился у далекого кигризского озера Иссык-Куль. Еще раз они встретились уже в городе Верном (ныне крупнейший мегаполис Казахстана – Алматы). Волею десницы Божьей, направлявшей их собственный выбор, оказались здесь Серафим и Феогност. И когда Господь указал им в горах место, они построили там скит.

Горы не случайно привлекли к себе православных подвижников. Их устремленность в небо была проявлением тяги чистого человеческого сердца к Богу. И это понятно – ведь горы испокон века служили пристанищем для ищущих уединенной молитвы христианских подвижников. Потому-то наши преподобномученики и выбрали местом для такой молитвы горы Заилийского Алатау.

Отцы Серафим и Феогност всю жизнь почитались людьми за свое подвижничество. В смутное время революционных бурь и большевистских гонений их кельи стали центром своеобразной общины. В нее входили не только прихожане городских храмов, но даже монахи из закрывающихся советской властью монастырей. И для каждого преподобные находили слова наставления, слова утешения, слова мира и любви. За это и пострадали. Но не были они забыты народом после трагической кончины. В синодиках нескольких поколений православных алматинцев их имена всегда стояли на первом месте, а об их упокоении ежегодно проходили службы и панихиды – со дня их гибели в 1921 году, несмотря на неодобрение властей, все годы советской власти. Продолжаются они и в новое время.

А Серафим и Феогност не прекратили своего служения людям. Они продолжают помогать всем, кто обращается к ним за помощью.

Мои родители попали в Казахстан после войны. Мама – финка, папа – белорус. Жили мы хорошо. Но, когда Советский Союз развалился и в республике стало тяжело найти работу – заводы один за одним стали закрываться, – встал вопрос: как жить дальше? Матушка вспомнила о дальних родственниках в Финляндии и сказала, что надо ехать туда. Мы с батей противиться не стали, т. к. к этому времени уже полгода были безработными. Когда переехали, нам понравилось. И работа нашлась, и финны оказались приветливыми людьми. Потом я узнал, что в Казахстане жизнь налаживается, развивается бизнес и решил сделать совместное предприятие со своим другом, оставшимся жить в Алматы. По началу все было хорошо. Но потом возникли проблемы с местными чиновниками, которые своими бесконечными проверками явно показывали, что не

отстанут, если мы не дадим большую взятку. Так продолжалось чуть ли не год.

Мы с партнерами испробовали массу способов, чтобы обойти эти препоны. Даже в одну газету местную интервью давали. Все без толку. И тут я вспомнил, как бабушка моего алматинского друга и бизнес-коллеги Леонида как-то рассказывала нам еще в советские времена, что в тяжелые для семьи минуты всегда молится преподобномученикам Серафиму и Феогносту.

Мало зная о них, я все же посоветовал Лене поставить в каком-нибудь алматинском храме свечку этим святым. Уговаривал его, наверное, месяца два. Он все не верил. Но потом все-таки согласился. И, вы не поверите, сначала от него пришла СМС: «Успокойся. Сходил в Крестовоздвиженский храм. Помолился твоим святым». А уже через 10 дней он звонил совершенно обалдевший и поздравлял нас обоих с тем, что все чиновничьи проблемы удивительным образом были сняты и наше предприятие может дальше спокойно работать.

Виктор (Финляндия)

Так сложилось, что любовь свою настоящую я нашла только после сорока лет. Не сказать, что я дурнушка или какой изъян у меня физический. Ну да, полновата всегда была. Но это ж не повод... Наверное, просто всегда была слишком придирчива к «кавалерам», а они ко мне. Всю жизнь работаю бухгалтером. На отсутствие знакомств никогда не жаловалась. Но вот с личной жизнью – никак. Я даже смирилась с этим. Хотя все мои подруги давно уже вышли замуж. Обидно не было. Просто думала: за что ж меня так судьба не привлекает?

Так было до 42 лет. А летом 2008 года моя подруга по институту пригласила меня в Алмату погостить. Мы много гуляли по этому прекрасному городу. Я поражалась местным достопримечательностям. Но больше всего меня поразили ледовый каток «Медео». А подруга рассказала, что он расположен в ущелье близ горы Мохнатка. Я сначала не поняла, зачем она мне это рассказывает. Но потом поняла. Потому что она рассказала, что именно на Мохнатой сопке иеромонах Анатолий отпел мучеников Серафима и Феогноста после их драматической смерти.

Я попросила ее поподробней рассказать об этих монахах. Помню этот вечер, как сейчас. Мы даже вина немного выпили, но это не главное. Главное, что меня поразила мученическая судьба Серафима и Феогноста. Они ведь приехали сюда, прекрасно понимая, что их тут ждет. Но не смалодушничали и не отказались от своей веры. И я поняла, что и мне не надо сдаваться. И искать свое го суженого. На следующий день я пошла в Благовещенский храм города и, поговорив с местным батюшкой, горячо помолилась Серафиму и Феогносту за любовь и веру, что есть на Земле.

Прошло полтора месяца, события лета немного стерлись в моей памяти. И вдруг совершенно неожиданно я встретила в гостях у еще одной подруги Михаила. Он – вдовец, а дети его жили уже отдельно. После смерти супруги стал верующим и, что удивительно, знал о Серафиме и Феогносте. С первой же встречи я была поражена, насколько совпадают наши взгляды на жизнь. Хотя он и немного вспыльчивый. Впрочем, это не стало препятствием для нашей любви. В общем, через 5 месяцев мы поженились. И сейчас

я так счастлива, как, наверное, ни одна женщина на свете. К Мише по выходным приходят дети и внуки от первого брака. Младшенький, Слава, даже называет меня «бабушкой». Спасибо за это алматинским святым!
Ирина Николаевна, 45 лет (Караганды)

Время суровых испытаний

В своем слове, произнесенном перед новогодним молебном 1 января 1918 г. в храме Христа Спасителя, Патриарх Московский и всея России Тихон сравнил февральские и октябрьские государственные перевороты с печальным опытом Вавилонского строительства. Слова и проповеди первосвященника, его послания были восприняты всеми верующими как голос церковного разума среди кошмара охватившей страну гражданской войны и возобновившихся военных действий на фронтах первой мировой войны. Революционные преобразования коснулись всех сторон жизни российских православных. Особенно тяжелые потери несли священнослужители, на которых ополчились и красные, и партизаны, и местное неправославное население царских окраин.

Для многочисленных националистов большевистский переворот 1917 года стал толчком к сепаратистским выступлениям. Появилась «самостийная Украинская народная республика», отделились Северный Кавказ и Закавказье, Средняя Азия, Финляндия, оккупированная Германией Польша, Прибалтика...

Во многом этому способствовала и не всегда продуманная политика царских властей.

Так, к примеру, еще в июне 1916 года был выпущен Указ правительства о мобилизации мужского населения Средней Азии и Казахстана в возрасте от 19 до 43 лет «для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии». Согласно ему из Туркестанского края призывались 250 тысяч человек и из Степного края – еще 230 тысяч человек.

Уже через неделю в Ходженте произошел расстрел полицией узбеков, осадивших полицейский участок с требованием уничтожения списков мобилизованных. Это и послужило поводом для начала Среднеазиатского восстания 1916–1917 гг. И в начале июля Туркестанский военный округ был объявлен на военном положении. Это было связано с тем, что восстание уже охватило Самаркандскую, Сырдарьинскую, Ферганскую, Закаспийскую, Акмолинскую, Семипалатинскую, Семиреченскую, Тургайскую, Уральскую области с более чем 10-миллионным многонациональным населением. Выступления против мобилизации также происходили в городах Ташкент, Коканд, Андижан, Наманган.

В конце января 1917 года царскими войсками были подавлены последние очаги Среднеазиатского восстания, и в целом к началу Февральской революции царскому правительству удалось отправить из Туркестана на тыловые работы только 123 тысячи человек.

Другие сотни тысяч восставших превратились в «благоприятную массу» для многочисленных вооруженных стычек, происходивших теперь постоянно. Объектами их были представители центральных властей и служители основанной здесь в 1871 году Туркестанской православной епархии. Еще более ухудшилась ситуация после развала Российской империи.

В условиях, когда Гражданская война бушевала по всей стране, в каждом городе, в каждой деревне, в каждом ауле, – тяжелей всего было служителям веры. Так как они не только выступали за взаимопонимание между всеми рабами Божиими, но и не одобряли агрессивную политику большевиков против церкви и нравственности. Храмы разрушались, священники сотнями и тысячами расстреливались без суда и следствия. Причем в Средней Азии и Казахстане страдали не только православные, но и мусульмане. Но, несмотря на различия, верующие люди помогали друг другу – независимо от национальностей и вероисповедания.

Протоиерей Михаил Омелюстый рассказывал, как в 1919 году незнакомая мусульманская семья спрятала его от гнавшегося за священником красноармейского патруля. Спасая «русского муллу», эти люди рисковали собственными жизнями. И это лишь один из множества примеров взаимопомощи мусульман и православных в годину гонений.

В Центральной Азии мусульмане и православные пережили общую трагическую историю преследований за веру. Одна и та же группа чекистов «брала» священника, а затем шла арестовывать имама или шейха. Одни и те же богоборцы жгли мечети и взрывали храмы. Одни и те же воинствующие безбожники крушили святые иконы в жилищах православных, а в дни Рамадана (поста) вламывались в дома мусульман и насильно запихивали людям в рот пищу, заставляя их нарушить пост.

Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир (Иким)
Земля потомков патриарха Тюрков. – Русская Православная Церковь,
Издательство Московской Патриархии, 2002.

* * *

Еще более усугубило эту разруху появление 1918 году движения басмачей. Православные в Средней Азии теперь преследовались – жестоко преследовались – как басмачами, так и красноармейцами. Выступая за мир и взаимопонимание, они оказались между двух огней, среди обезумевших от крови и жажды власти безумцев.

Сейчас уже мало кто помнит, что советская власть боролась с басмачами вплоть до 1938 года. И большая часть Средней Азии многие годы изнывала под игом басмачества. А поскольку само понятие «*басмачество*» произошло от тюркского «басмак» – то есть совершать налет, нападать, набегать, – то воевать с представителями такого партизанского движения, состоящего из местного населения, было очень трудно.

При этом поначалу басмачи не делали различий между красноармейцами и православными служителями. Они жестоко убивали тех и других. Не хочется перечислять в этой книге тысячи и тысячи случаев того, как захваченных пленных сначала сажали на кол, потом отрезали голову и оставляли так тела жертв на долгие месяцы.

Борьба сопровождалась жестокими расправами с обеих сторон. Не жалели никого, даже детей.

Бии (главы и вожди среднеазиатских родов, семей, кланов), возглавлявшие многие басмаческие отряды, жестоко расправлялись со своими бывшими батраками и сочувствующими советской власти. Но особенно тяжело было при басмчах православным из-за своей веры. Излюбленным методом пыток у басмачей было дробление костей и суставов еще живого человека. Также не гнушались они закапывать человека заживо, оставляя только голову его на поверхности – медленная и мучительная смерть.

Очень часто люди разных национальностей попросту пряталаись в православных храмах от басмачей. И это спасало их, потому что басмачи зачастую боялись заходить туда, называя храмы «русскими мечетями».

Но так было далеко не всегда. Некоторые басмаческие отряды не гнушались совершать налеты на монастыри и подвергать их разграблению. При этом они не жалели никого: ни стариков, ни женщин, ни детей, прятавшихся там, ни самих монахов. Правда, к середине 20-х годов, в связи с упадком (а фактически, массовым уничтожением большевиками православных служителей) церкви в Средней Азии, басмачи перестали грабить оставшиеся монастыри и убивать монахов – не из милосердия. Просто потому, что грабить и убивать к тому времени было уже практически некого.

* * *

Во времена Гражданской войны православные священники служили Господу в обстановке всеобщей человеческой подозрительности, социальной нетерпимости и классовой ненависти. Многие из них погибали, пытаясь отстоять христианское учение, но оставшиеся продолжали помогать всем попавшим в беду людям, невзирая на их национальность и вероисповедание.

Одним из проявлений «красного террора» были жесточайшие подавления крестьянских выступлений. Так на разгром Беловодского, Тюпского, Таласского и Нарынского «мятежей» были брошены так называемые «бригады интернационалистов» с Закаспийского фронта. Они состояли из иностранных солдат, плененных во время Первой мировой войны и вступивших в большевистские ряды, а также из местных полууголовных элементов. На Закаспийском фронте их называли «палачами», т. к. они зарекомендовали себя как сторонники кровавого беспредела против туркменских повстанцев.

Перед лицом свирепых гонений большинство туркестанского духовенства хранило верность своему священному долгу. В церковных документах тех лет отмечалось, что вакансии священнослужителей «заполняются своевременно». То есть на место убиенных бесстрашно становились новые пастыри.

В этом бурлящем котле, в кровавой бойне отстаивали свою правду царские войска и красные комиссары, националисты всех мастей и партизанские отряды кочевников, восставшие против угнетения крестьяне и борющиеся за власть бии...

Противостоять и примирить их пытались мусульманские муллы и православные священники, но в большинстве случаев безуспешно. Слишком высок был накал гражданской войны, слишком много интересов – властных, политических, имущественных, религиозных смешалось в одном костре.

И именно в это время вместе со своими братьями по вере выполняли свой подвижнический долг православные священники Серафим и Феогност.

Жизнь Серафима

По воспоминаниям современников, в свои сорок лет отец Серафим был роста и телосложения среднего, не худощав и не полон. Выражение лица у Серафима всегда было добрым и кротким. Волосы – густые, темно-русые, без седины, и весьма кудрявые. Борода густая, но небольшая и аккуратно подстриженная, тоже кудрявая и темно-русская. Многие называли его красивым: статная фигура, большие голубые глаза, прямой нос, густые брови. Но в жизни он старался быть незаметным. «Это тело, – говорил он, – все равно что рубашка – сними да и брось»...

Детство

Иеромонах Серафим, в миру – Александр Богословский, родился в городе Глухове в 70-е годы XIX века. Его отец, Евфимий, был управляющим у помещика. А мать, Мария, была женщиной кроткой и благочестивой. Она ежедневно посещала местный храм Божий. И вот, однажды ей было открыто Богом, что сын ее любимый примет мученическую кончину. Поначалу она никому не сказала об этом. Но и все время молчать было выше ее сил.

И вот, когда Саша уже стал гимназистом, он увидел поутру, что мать его плачет и говорит: «Сын мой, я видела во сне, что ты будешь мучеником». Ничего он тогда не ответил, только пожалел ее. Годом же позже Александр как-то вечером играл на баяне и пел церковные песнопения. А мать его внимательно слушала. И потом горько заплакала. Он спросил: «Матушка, что ты плачешь?». Ответ поразил его – его мама сказала, что во время его пения она видела венец над его головой и ангелов с ним, и вновь повторила, что смерть его будет мученической.

Слова матери глубоко запали в душу юноши. И он решил не искать свою судьбу в миру. А поэтому, едва достигнув совершеннолетия, он ушел в Глинскую пустынь и принял имя Серафим.

Глинская пустынь

В Сумской области, что в Украине, есть удивительный монастырь. В начале шестнадцатого века местным пчеловодам явилась чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы. На этом месте была основана Глинская пустынь – ныне Рождества Богородицы ставропигиальный мужской монастырь.

До начала 1820-х годов это был заштатный монастырь, приписываемый под воздействием политических событий из одной митрополии в другую, в нем часто сменялись настоятели. Однако затем наступило возрождение и расцвет Глинской пустыни. Во многом связано это было с деятельностью пришедшего в монастырь настоятеля, преподобного Филарета (Данилевского), при котором пустынь стала процветать благодатью.

К концу XIX века, когда в Глуховской пустыни поселился Серафим, это был процветающий монастырь Курской епархии. В центре обители высился собор Рождества Богородицы, а всего храмов было пять, два из них в скитах. Монастырь имел большую библиотеку, включавшую множество литургических, богослужебных и аскетических книг.

Глинская чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы все эти века находилась в монастыре и существует множество свидетельств чудесных исцелений, которые обрели перед нею верующие. После прихода

советской власти, в 1922 году, монастырь был закрыт, а чудотворная икона вывезена и бесследно исчезла. Сегодня известны лишь списки с нее.

В Глинской пустыни

В монастыре Серафиму очень воспомоществовал помощник братского духовника Домн (Агеев). Он к тому времени прожил в пустыни уже много лет, стал иеромонахом (монахом, имеющим сан священника). Домн не уставал помогать молодому собрату.

Каждый вечер они вели духовные беседы, и Домн часто на конкретных примерах показывал Серафиму, сколь благостно служить Господу, сколь мерзок бывает человек, когда начинает думать только своим благом и достатке. Помогали становлению Серафима как священнослужителя и совместные молитвы с мудрым иеромонахом. Домн давал советы, рассказывал о постижении истинного смысла молитв, уберегал от соблазнов.

Так, однажды Серафим сильно занемог и не захотел вставать на молитву, сказав, что раз он болен, значит, Господь разлюбил его. Но Домн очень быстро смог убедить молодого послушника, что именно обращение к Богу поможет ему ощутить в себе силы к восстановлению здоровья. Подивился тогда Серафим, но так и сделал. И уже через день он был абсолютно здоров.

В другой раз он, сославшись на занятость службой, решил отказать в беседе пришедшим в монастырь страждущим православным. Сурово укорил его за это иеромонах Домн, сказав, что наставление на путь истинный и спасительные для души верующего беседы и есть суть служения Господу. Постыдился тогда Серафим и больше никогда так не делал.

Впрочем, не одними беседами жил в монастыре Серафим. Это был начитанный и высокообразованный инок. В Глинской пустыни у него открылся иконописный талант, и много дней проводил он за этим богоугодным занятием. Кроме того, он имел замечательный певческий голос, за который его очень ценили и братья-монахи, и прихожане.

Но наставником его все эти годы оставался иеромонах Домн. Постоянное наставничество Домна очень помогало духовно окрепнуть Серафиму и понять истинную суть благообrazной жизни. Жизни во имя Иисуса Христа.

И даже когда почтенный иеромонах скончался, связь духовная между ними не прекращалась.

Так, был случай, уже после отречения Николая II от престола в 1917 году, послушница Феоктиста пошла в скит к отцу Серафиму. И не успела она дверь в келью открыть, а батюшка ее уже встречает на пороге и говорит: *«Знаю, зачем пришла. Мне Домн сказал: “Серафиме, Царя убрали и скорыми, скорыми шагами все пойдет к гибели”»*.

Произошло это уже в скиту близ города Верного (ныне Алматы). Как же оказался здесь отец Серафим, так далеко от Курской губернии?

Иссык-Кульская служба

В начале XX века Серафим вместе с монахами Феогностом, Анатолием и другими был приглашен в Свято-Троицкий Иссык-Кульский миссионерский монастырь, что находился в киргизских горах. Иноков из Глинской пустыни пригласили, потому что монастырь к тому времени уже не мог выполнять своих основных миссионерских функций, не справляясь с объемом выпавших на его долю забот, ведь тяга к православию в этих краях все росла.

Еще в 1880-х годах с целью распространения Православной веры в Туркестанском крае и духовного просвещения азиатских кочевников, Святитель Туркестанской кафедры Преосвященный Епископ Александр

(Кульчицкий) вознамерился зажечь на берегах Иссык-Кульского озера миссионерскую путеводную звезду.

Монастырь был основан 1 мая 1881 года. В этот день было освящено место в долине Курменты на берегу узкого залива озера Иссык-Куль, в 12 верстах от села Преображенского. В тот день был возведен деревянный крест. Монастырь освятили в честь Святой Троицы, так как приезд его основателя – архиепископа Александра на Иссык-Куль совпал с праздником Троицы. Будущему монастырю были отведены 530 десятин 1100 сажень плодородной земли.

Первые насельники монастыря приложили много трудов для возведения монастырских стен и зданий и устройства хозяйства, терпя недоброжелательное отношение кочующих племен, оборачивающееся нередко открытым нападением на послушников и потравой монастырских пастбищ.

Умножение братии последовало в 1886 году, когда в монастырь приехали 11 иноков из Свято-Михайловской Закубанской пустыни, а в 1894 году на берега величественного Иссык-Кульского озера решили отправиться с острова Валаам восемь иноков во главе с игуменом Севастианом, неся с собой дух Валаамской обители.

Несколько лет спустя, уже в начале XX столетия, в монастырь были приглашены из Рождество-Богородицкой Глинской пустыни Курской епархии несколько иноков, в числе которых были монахи Серафим, Феогност и Анатолий.

<http://days.pravoslavie.ru/Life/life4747.htm>

В Свято-Троицкий монастырь из далекой Курской епархии монахи добирались не один месяц – путь на окраины Российской империи был длинен и тягостен.

На современной карте путь бы представлялся так. Из Глинской пустыни – до города Сумы, оттуда – более 100 км до Белгорода. Оттуда – больше 600 км до Волги, а затем еще почти 500 км до Оренбурга, а там – более 200 км до Актобе. А дальше – почти полторы тысячи километров по пустыне и выжженным степям. Только после этого перед путниками возникли предгорья Тянь-Шаня. Далее – путь в сотни километров по извилистым ущельям, через высокогорные перевалы. Ночью в горах минусовая температура, а днем, на солнцепеке – жара за 40 градусов. Снежные вершины сверкают под солнцем так, что если глядеть на них без специальных волосяных очков, то в считанные часы можно ослепнуть.

Без современных самолетов и автомобилей – где на телегах, а где и пешком – этот путь занял у монахов почти пять месяцев.

Прибыв на место, они сразу же включились в монастырскую жизнь, начали активно помогать духовно всем страждущим – и русским, и армянам, и грекам, и казакам – население российских окраин было довольно смешанным.

Подвижническая жизнь вдохновляла Серафима и других иноков. Особенно сблизилась прибывшие из Глинской пустыни с монахами Пахомием и Ираклием, будто чувствовали, что и далее им предстоит совместный труд во славу Господа нашего, Иисуса Христа. И так, из дня в день, без единого перерыва несли монахи слово Божие всем в нем нуждающимся.

Слава о Свято-Троицком монастыре быстро распространялась по округе. И со своими бедами и проблемами туда пошли люди даже из отдаленных селений.

Именно ко времени жизни в Иссык-Кульском Свято-Троицком монастыре относятся первые случаи исцеления Серафимом бесноватых и инвалидов.

Доброе слово, кроткая беседа – делали с некоторыми больными просто чудеса, и те уходили из монастыря здоровыми и просветленными.

Переезд в город Верный

В 1909 году монахи Серафим и Анатолий были призваны в город Верный. От Иссык-Куля дорога туда предстояла нелегкая, через высокогорные ущелья и перевалы. Сегодня можно проехать этот путь на автомобиле часов за десять, а в те времена это был сложный пеший путь по горным тропам, который даже при наличии опытных проводников занимал несколько дней.

Город Верный

Еще при Петре I в состав Российской империи попросились войти три киргиз-кайсацких орды и русские войска вошли на территорию Средней Азии. Почти сто лет тянулись локальные, но выматывающие бои по защите киргизов от хивинских орд. Но и сами вольные и свободолюбивые степняки, привыкшие кочевать по бескрайним раздольям и совершать набеги на приграничные поселения, грабя, убивая и уводя в плен русских жителей, далеко не сразу приняли русское подданство. Лишь увидев, что под защитой России им живется намного вольготней и безопасней, чем под игом джунгаров или кокандцев.

Форт Верный (ныне город Алматы, «Южная столица» Казахстана) был основан в предгорьях Заилийского Алатау российским правительством на месте находящегося некогда в орбите торговых связей Великого Шелкового Пути, а после захиревшего поселения Алматы (казах. «яблонево») в 1854 году как военное укрепление для защиты от набегов горных повстанцев.

Десять лет спустя, вскоре после того, как совместными русско-казахско-киргизскими войсками была одержана победа над кокандскими войсками, городу был присвоен статус города. В 1867 году Верный стал центром Семиреченской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства, а вскоре было учреждено и Семиреченское казачье войско.

В город с самого начала переселялось множество русских. Так, В 1874 году крестьянин-переселенец из центра России Егор Редько привез саженцы яблонь, которые хорошо прижились. Позже их гибрид с дикой местной яблоней стал прародителем знаменитого алматинского апорта – огромных ароматных яблок.

К началу XX века в Верном насчитывалось уже 25 тыс. жителей, свыше 60 % которых составляли русские. Кроме того, в городе проживали илийские уйгуры, казахи, сарты, китайцы и татары.

Добравшись до Верного, Серафим и Анатолий начали служение в Успенской церкви Туркестанского Архиерейского дома, где вскоре получили священный сан.

Через несколько месяцев Серафим был пострижен в монашество Преосвященным епископом Туркестанским Димитрием. А два года спустя он за свои заслуги перед церковью был уже рукоположен в сан иеромонаха.

Городская жизнь закрутила прибывших. Дел было много, причем не только тех, к которым они привыкли в монастыре, но и административных, суетных. Люди приходили в церковь не только за словом Божьим, но и за решением своих житейских вопросов, споров. Много проблем было связано и с иным ритмом жизни, погружением в конфликты, за реше-

нием которых обращались прихожане, часто не в личной жизни, а в общественной. Противостояние рабочих и фабрикантов, руководителей и подчиненных, городских властей и интересов людей при решении любых вопросов, будь то прокладка арыка, мощение улиц или снос хибар под новое строительство.

Так что жизнь эта очень отличалась от привычной монастырской. Для того, чтобы иметь силы для помощи людям, монах должен соблюдать службы, вести духовный образ жизни, обращаясь к Господу. Сделать это, находясь в Верном, было сложно – слишком много вокруг было нищеты и несправедливости, конфликтующих интересов. К тому же далеко не все жители города были здесь по своей воле, что усугубляло их отчаянье. Стараясь прийти на помощь каждому страждущему, подвижники изматывались и душевно, и физически.

Насильственное заселение Верного

С устройством укрепления Верного появилась необходимость постепенного заселения Семиреченского края надежным русским народом. В начале 1855 года в казачьем войске в окрестностях Семипалатинска войсковое правление выявляло желающих отправиться на жительство в Семиречье. Желавших оказалось немного. 1 июля 1855 года в Верный прибыла первая партия переселенцев с целью создать первый поселок вокруг укрепления. Это были казаки 6, 7, 8 и 9 казачьих полков (в количестве 388 служивших чинов) из Омского, Тарского, Шульбинского и Ишимского округов Сибири, которым это переселение выпало по жребию или по назначению полковой администрации. Сбор их происходил в Семипалатинске. Прибыли и крестьяне, поехавшие по желанию или за неплатеж податей по западной Сибири. Зачастую крестьян принуждали спешно покидать насиженные места и они не успевали даже собрать как следует свое имущество. Так, один из участников переселения рассказывал, что попечительное начальство гнало сибиряков, не справляясь с настроением последних. Целые сибирские станицы были переселены сюда, причем, так спешно, что многие не успели продать своих домов, оставив их в вынужденный дар тем, кто не трудился над их созданием.

12 ноября 1871 года епископ Софония был назначен на новоучрежденную Туркестанскую кафедру. Много ему предстояло труда и забот по устройству края в религиозном отношении и организации церковного порядка и управления. Новоприобретенный край во всех отношениях был совершенно особенный по сравнению с внутренними губерниями России, и представлял громадные трудности для благоустройства жизни церковно-религиозной: по своей обширности, по трудности сообщений, по отсутствию храмов и лиц, способных и благонадежных к церковному служению, наконец, по разноплеменности своего состава, где русское православное население представляло как бы маленькие островки среди моря иноверцев. Владыка говорил: «Появление и утверждение в какой бы ни было стране Христовой Церкви, – этого богозданного ковчега, ниспосланного земнородным на спасение от потопа греховного, всегда радовало и радует дух истинных христоролюбцев. Что же касается о появлении Церкви Божией в стране, владычествовавшей некогда юною святою Русью со всеми ея православными храмами, а ныне владеемой своими прежними данниками, – в стране людей, не только нам не чуждых, по историческим воспоминаниям, но и вступивших уже в состав многомиллионной семьи неизмеримого царства русского? Да и какое русское, православное сердце не откликнулось бы искренним сорадованием при

одной мысли, что не только Русь святая, но и святая Русская Церковь расширила свои пределы».

Таким образом, к Российской Империи ценою пота и крови ее сынов были присоединены Казахстанские пределы, и ценою жертвенных трудов и горячих молитв первых православных переселенцев, освоивших этот край, суждено было возжечь здесь сияющий полным блеском евангельской чистоты свет Христовой веры.

Вера Королева «Как был основан город Верный» <http://rusk.ru/st.php?idar=112419>

Напряженная служба начала подрывать здоровье многих монахов, привыкших к монастырской жизни. Особенно же они страдали от того, что городская суета и едва ли не круглосуточная помощь страждущим не позволяла им как следует выполнять предписанный монастырским уставом строгий, расписанный по часам образ жизни и молений. И вот в 1911 году, приняв сан иеромонаха, Серафим ушел в горы Заилийского Алатау по предписанию преосвященного Дмитрия – для создания скита и пустынножительства.

Еще до этого в любую свободную минуту он уединялся недалеко от Верного в горах урочища Медео. Там, в 10 верстах от Верного, он и устроил скит на сопке Мохнатой.

Иеромонах Серафим обустроил небольшую церковь, вырытую прямо в склоне горы. Через год к нему присоединился Анатолий, а еще через год число пустынников увеличилось еще двумя иеромонахами: Антонием, бежавшим из Иссык-Кульского монастыря, и Иезекиилем, прибывшим с Афона. Монахи построили неподалеку кельи и поставили поклонный крест. В конце концов им удалось обустроить даже подземную церковь в честь преподобного Серафима Саровского. За свои подвижнические дела в 1912 году отец Серафим был награжден правом ношения набедренника.

Год спустя к монахам присоединилось несколько мирян, носивших длинные волосы, подрясники и пояса: Михаил, Илья, Фирс и другие. Сначала они собирались для богослужения в архиерейскую дачную церковь, а потом выкопали особую пещеру, обставили ее необходимыми вещами для богослужения и просили дать им антиминс. Таким образом возник небольшой скит, члены которого питались травами, овощами и сухарями и жили в небольших избушках. Будучи самым авторитетным в монашеской компании, Серафим стал духовником этого скита.

Несмотря на то, что от города скит был далеко (10 верст – это более 16 км), очень много людей приходило к отцу Серафиму и его братьям по вере за советом и духовным наставлением. И всех их принимали, выслушивали и помогали.

Страждущие приходили сюда сотнями, и слава о смиренных пустынножителях распространилась по всему Семиречью. Люди шли к монахам не только за словом Божьим, но и с надеждой в излечении своих недугов. И многим удавалось помогать. Кому от душевных болезней, кому от физических ран.

Однако не долго члены скита оставались на сопке Мохнатой. Узнав, что в Иверско-Серафимовском женском монастыре дела стали приходить в упадок, в 1913 году они отдали этот скит несчастным служительницам Господа. Так были спасены многие монахини. И православная церковь всегда помнит этот благородный пример христианской помощи.

НОВЫЙ СКИТ

Вскоре в Аксайском ущелье они основали новый скит.

Место для скита было указано Богом: в поисках места монахи остановились на ночь в Аксайском ущелье близ пасеки у подножия Кызыл-Жарской горы и вдруг увидели на горе яркий свет. Поднявшись на гору,

осмотрели место, откуда с наступлением сумерек исходило неземное сияние и вернувшись, говорили: «Какое дивное это место! Как там радостно! Какая там святость, красота какая, какая благодать!».

На этом месте они поставили кельи на расстоянии приблизительно 100 метров одну от другой, а затем вырыли три пещеры – в одной хранили продукты, в двух других молились (пещеры эти существуют поныне). Служили в большой деревянной келье отца Анатолия.

Аксайское ущелье

И туда, как прежде в скит на Сопке Мохнатой, потянулись люди.

Особенно много верующих посещали скит после Октябрьской революции. Теперь уже не только за духовным и физическим излечением. Известны случаи, когда матери приводили своих детей, которые уже «заразились» большевистскими идеями безбожия, – но хватало лишь одной беседы с Серафимом, и отроки возвращались в лоно православной церкви.

За эту свою подвижническую службу он и поплатился жизнью. Ведь беспредел красноармейской вседозволенности и самосудов, царивший тогда в этих краях не мог не погубить смиренного монаха. Но об этом рассказ дальше.

Расскажу как на духу, как помогли мне и доченьке моей Верочке святые мученики Серафим и Феогност.

В 1987 году вышла я замуж, да переехала к мужу в Алма-Ату. Родилась у нас доченька, Верочка, красивая и ласковая. Вот только крайне болезненная. А когда ей исполнилось 2 годика, устав от бессонных ночей у детской кровати, нас бросил ее отец. Слава Богу, что свекровь оказалась более стойкой, и помогала мне, как могла. У меня-то в Казахстане никого не было из родных.

Однако, все равно, тяжело было. Советский Союз уже в агонии бился. Многие мои знакомые начали уезжать за рубеж. На работе нам давали зарплату с перебоями. А свекровь уже была пенсионеркой.

Когда Верочке исполнилось 5 лет, врачи сказали, что жить ей осталось максимум год. Как мы рыдали со свекровью, словами не описать. Из Омска приехал мой отец, чтобы нас поддержать. Но что он, пенсионер, мог сделать?

Настало самое тяжелое время. И вот, в один из вечеров, когда мы все сидели на кухне за ужином, мой папа рассказал, что давече узнал об иеромонахах Серафиме и Феогносте, которые помогали алмаатинцам во время большевистской революции. Помогали во всем. А главное, в укреплении силы духа и веры в Господа. Меня это так взволновало, что на следующий день я пошла в Вознесенский кафедральный собор и попросила там одного знакомого игумена рассказать мне поподробней о жизни этих людей.

Ужаснулась я, когда узнала, какая смерть лютая их подкараулила. Однако, совладав с нервами, пошла в церковь и помолилась вначале за души светлые Серафима и Феогноста, а потом обратилась к ним, чтобы похлопотали перед Господом нашим, Иисусом Христом, за здоровье моей доченьки. Наверное, целый час стояла на коленях. Уж не помню, о чем им говорила в конце молитвы. Но мне показалось, что они услышали меня, т. к. вдруг светло мне стало на душе и спокойно.

Вернулась я домой, а на пороге отец и свекровь в слезах, – говорят: Верочка сама с кровати встала и покушать попросила! После этого дня доченька моя резко пошла на поправку, а потом и совсем выздоровела. Сейчас она работает в детском саду, и все вокруг, и коллеги и дети, и их родители ее уважают. За доброту и отзывчивость.

Спасибо, Серафим и Феогност, век не забуду помощь вашу!

Раба Божия, Ольга (Алматы)

На следующий год мне исполнится 30 лет. И главным итогом этих лет я считаю то, что стал православным.

Мои родители мусульмане. И я так воспитывался. Правда, никогда ни к какой вере серьезно не относился. Единственный раз, когда задумался на эту тему, когда узнал, что наш великий казахстанский ученый и исследователь Чокан Валиханов был православным.

В 2009 году мы с друзьями приехали в Алматы – отдохнуть. Город нам понравился. Много мест отдыха, отличные магазины и рестораны. В одном из них и случилось чудо...

Мы сидели вчетвером в уютном ресторанчике. Было уже поздно, и мы начали собираться уходить. Вдруг в зал ворвался парень с пистолетом. Он ударил ближайшего официанта рукояткой по голове и резко сказал: «Всем молчать! Кошельки на стол!».

Все в ресторане замолчали. Даже небольшой оркестрик. Мужчина, сидевший за столиком у входа, дернулся к двери, но не добежал. Идиот с наганом выстрелил в него и попал ему в спину. Тот упал, а под ним стала растекаться лужа темной крови.

Стало совсем жутко. И все стали выкладывать на столы кошельки и драгоценности.

А меня как заклинило, шевельнуться не могу. И тут бандит наставил на меня оружие. Неожиданно мой друг Миша неожиданно заорал: «Серафим и Феогност увидят, что ты делаешь. Увидят, найдут и накажут тебя!» Парень с пистолетом вдруг изменился в лице, попятился, поднял пистолет вверх и

выстрелил. Штукатурка с потолка осыпала ему все лицо. Кто-то закричал. Нападавший с белым от штукатурки лицом и совершенно ненормальными глазами тоже завопил что-то нечленораздельное и выстрелил вверх еще раз. Было такое впечатление, что слова моего друга повернули в его голове какой-то рычажок и он немедленно сошел с ума. Парень стал метаться между столами, как слепой котенок. Летели стулья, столы и тарелки.

Прекратилось это сумасшествие с приездом полиции, которая скрутила совершенно обмягшего бандита, бормотавшего к этому времени что-то нечленораздельное.

На следующий день я спросил у Михаила, кто такие эти Серафим и Феогност? И почему он вчера кричал про них. Друг ответил, что слышал о них от деда перед отъездом в Алматы. Тот просил его сходить на их могилу высоко в горах и помолиться. Мол, самому ему уже туда не добраться, годы не те. Миша, конечно, об этом забыл. Но вчера, когда случилось нападение в ресторане, какая-то неведомая сила заставила его прокричать именно их имена.

Наверное, это покажется кому-то слишком эмоциональным поступком, но в тот же день я пошел в церковь и крестился. И этим я обязан Серафиму и Феогносту.

Рустем К. (Семипалатинск)

Жизнь Феогноста

Отец Феогност был крепкого телосложения, роста выше среднего, где-то на полголовы выше отца Серафима. Волосы его были темно-русые (светлее, чем у Серафима), прямые и длинные, до плеч. Носил он не очень большую бороду. Да и усы его всегда оставались не очень густыми. Смуглое лицо Феогноста практически всегда было строгим, а карие глаза, казалось, видели любого собеседника насквозь. Нос его был прямым, чуть удлиненным, а негустые брови прямыми линиями подчеркивали пронзительность глаз.

Путь подвижника

Иеромонах Феогност, в миру Федор Пивоваров, родился в 1873 году в городке с поэтическим названием Белополье Харьковской губернии, и происходил из мещанского сословия. Детство и юность его прошли в благочестивых учебе и труде. Он всегда слушался пожеланий своих родителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.